

ФОТО А. КОВТУНА.

Белла Ахмадулина:

«Отстоять

независимость души»

Я нахожусь в растерянности. Как-нибудь 2—3 года назад я знала, кто мой герой. Вчера еще у меня были одни идеалы, сегодня они рушатся, а мне предлагают другие. Теперь как быть? Не поздно ли обрести новую веру в 26 лет?

Катя Барышникова.

Что делать, если рушатся идеалы? Мы беседуем с Беллой Ахатовной Ахмадулиной. Родилась она в страшном 37-м году. «Правильно родилась», как она говорит. Както умела находить эта удивительная женщина свое место в жизни во все времена.

Когда смотрю телевизор, читаю газеты, радио слушаю, думаю, какой же это должен быть удар для молодого сознания. Я ведь всю жизнь мучаюсь этим знанием. И конечно же не могу не сочувствовать сегодняшним переменам.

Само слово «перестройка» грамматически себя не оправдывает. Для себя объясняю это так: нельзя бассейн «Москва» в храм Христа Спасителя перестроить. Столько было сделано для исторического духа, для вырождения

нескольких поколений!

— Но ведь была опасность, что и вас сломают, и ваш дух истребят...

— Я не застала самых тяжелых времен. Нельзя забывать и о некоторой отдельности положения, которое давало мне право знать больше, чем многие. Я совершенно не была в неведении. Первое, с чем я столкнулась, была травля Бориса Пастернака. Я тогда училась в Литинституте.

Только с удовлетворением могу сказать, что, когда я была молодой, когда меня могли запугать, когда я могла опасаться и переживать, я точно знала: у меня нет никакой возможности поступать так, как от меня требуют.

60-й год. Смерть Бориса Леонидовича, несомненно, причиненная. Великий дух его устоял, а организм не выдержал. 68-й год. Трагические события в Чехословакии и взрыв репрессий против тех, кто пытался высказать свое мнение.

— И вы тоже были среди этих людей? Писали письма, выходили на площадь?

— Когда речь идет о таких траге-

диях, как гонения, аресты, психушки, высылка за границу (комедия нашей жизни — и награждают поездками за границу, и высылают в наказание туда же), мой личный опыт очень скромнен. Даже не пристало о том говорить, — меня-то наказывали самыми смешными способами: не пускали за границу, не печатали, выступать разрешали только в маленьких городах, маленьких аудиториях. Ну и черт с ним. Речь не об этом. В силу характера, устройства своего я не могу находиться на площади с плакатами. А молодым людям, которые советовались со мной и искренне хотели противостоять гонениям, если честно, советовала этого не делать. Конечно, в каком-то высочайшем смысле совет был неправильным. Но эти люди были не защищены, не имели ни друзей влиятельных, ни какого-то положения.

— Вы предлагали ложь во имя спасения?

— Никакой лжи я в жизни не могла предложить. Это было лишь предостережение отчаянным, которые рвались туда, на площадь, изъявляли способность своей души пожертвовать собой уже тогда, в конце 60-х.

— Их-то вы предостерегали. А сами публиковали письма в защиту Сахарова в «Нью-Йорк таймс», писали спустя три года Ю. В. Андропову, защищая Владимова. Это что, в порыве отчаяния?

— Отчаяние у меня было и до этого. Я душу свою спасала. Год был тяжелый, 80-й. Началась война в Афганистане. Я уже тогда понимала, чем она кончится. Умерли Володя Высоцкий, жена Мандельштама. Сахарова в Горький отправили. Я думала, что и сама не переживу всего этого. Почему написала в «Нью-Йорк таймс»? А какая газета у нас могла опубликовать мое письмо в защиту Сахарова, когда имя его упоминать не разрешалось. Дословно текст я не помню. Писала о светлом человеке. Закончила так: если уж нет других академиком, желаю не вступиться за академика Сахарова, то вот я, такая-то, почетный член Американской академии искусств. Писала в американскую газету еще и потому, что надеялась: дойдет все это до моих соотечественников. И дошло-таки. Я получила много писем в поддержку Сахарова. Пересылала их ему в Горький, конечно, с тщательным унич-

тожением фамилий и домашних адресов. Чтобы он знал, что он не один. Ведь его окружали какие-то «специальные» люди, которые говорили как бы от имени народа. Но это были подставные лица. Или темные люди, которые вообще ничего не понимали.

— А вы не отдавали себе отчета в своих действиях?

— Положение мое было плохо. Я понимала это. Но не могла же я отречься? Кто-то из знакомых позвонил мне: да ведь вас исключают из Союза писателей! «Как, разве еще не выгнали?» — удивилась я. И готовилась к худшему. Многие из моих друзей уже были высланы за пределы страны и лишены гражданства.

— Тогда их публично окрестили «диссидентами». Книжки Войновича изымались из библиотек, Владимова и Венедикта Ерофеева вообще запрещали печатать. И только теперь их произведения возвращаются... из-за границы. Как сохраняли эти люди достоинство и честь в такой обстановке?

— Это же не были профессиональные борцы. Человеку писать хочется, а не на баррикады идти. Это были художники в полном смысле этого слова.

Войнович выстоял благодаря необычайной силе духа. Он не вступал в принципиальный конфликт. Его поведение было как бы советом, как нужно жить, чтобы не дойти до ручки в такой обстановке. Это было звание к разумному злодеянию — подавлением, истреблением умов. В своей острой сатире он доводил до гротеска этот страшный механизм подавления. У меня самой хоть какое-то утешение было. Меня не издавали, но в клубах-то выступать редко, но разрешали. Во время этих гастролей я и видела «невывранный из глаз человеческих взгляд». И потом я всегда принимала множество приветов. У Владимира Войновича такого утешения не было. Он жил в полной изоляции.

— А Георгий Владимов? Он ведь вообще не хотел никуда уезжать. Даже согласен был на тюрьму, лишь бы остаться в стране.

— Я понимала, чем грозит тюрьма сохранности его жизни. 17 января 1983 года его должны были арестовать. Жоржу предлагали отречься, но он стоял на своем. А тут еще грязь, клевета. Это было при Брежневке, а когда пришел Андропов, я написала на

его имя письмо, мол, нижайше прошу, как подобает просителю, отправить Георгия Владимова за границу, на лечение. Больше его не трогали.

Лев Зиновьевич Копелев, известный до войны филолог, специалист по немецкой литературе. Честно и доблестно прошел всю войну и перед концом высказал публично свое сожаление по поводу страданий и бедствий, которые претерпевало мирное немецкое население. И это его сострадание было истолковано как преступление. И за него он отсидел десять лет в лагерях. Потом его реабилитировали. Отношение Копелева к несправедливости осталось прежним, за что и травили и оскорбляли этого человека. Он был оклеветан печатно. Не надеясь, что какая-нибудь из наших газет опубликует мои соображения, я опять написала в «Нью-Йорк таймс», чтобы услышали мои соотечественники и другое мнение об этом великодушном, честном человеке.

— Белла Ахатовна, извините за нескромный вопрос, а почему вы тогда не уехали?

— Боже сохрани! Я обожаю любую страну, ее историю, людей, красоту. Но у меня не было внутренней возможности по доброй воле покинуть место земли, где я родилась, живу и умру. — Это все в вас — знание, мука, страдание с детства. А как все-таки быть ребятам, на которых это «все» обрушилось сейчас, стремительно. Как жить, если на душе груз растерянности, непонимания?

— Трудно давать совет после того, как в поколениях долгие годы вытравлялась мысль. Недавно ко мне сюда, в Репино, пришел молодой человек, вернувшийся из колонии. Я не спрашивала, по какой причине. Да и он сначала не сказал об этом. Принес цветы и стихи. Милые, приятные, еще несовершенные стихи. Разговорились. В местах заключения многие пишут. И это не случайно. Мы знаем, что для одних этот скорбный опыт стал основой писательства. Другим просто помогало сохранить себя таким образом. И я сказала этому мальчику, что у него есть хорошие душевные данные. Спасает обычно что? Или вера в бога. Или творческий потенциал. Когда находишь отдушину внутри себя. А она есть у каждого человека.

— Но ведь так, ударившись в творчество, легко и отстать от жизни. Воспарить над ней.

— Жить замкнуто в своем художественном мире невозможно. Как бы высокопарно душа ни существовала, все равно ввязываешься. Я не знаю, кого назвать чище и выше лирика Мандельштама, а ведь ввязывался постоянно. А стихотворение о Сталине, ставшее для него роковым?

— Но ведь что-то еще, помимо творчества, духовности, помогает поколениям выжить?

— Приведу вам простой пример. Были в моей жизни два светлых знакомства с крестьянкой Лебедевой и княгиней Мещерской. Два шедевра породы. Екатерина Александровна Мещерская. 13 лет ей было, когда произошла революция. На ее долю выпало много испытаний трагического свойства, но об этом она сама много писала. Нам остается лишь любоваться ее светлым умом, прекрасным лицом, безмерной добротой, не потерявшей никакого убитка. Тетка Дюня Лебедева — образец крестьянства. Прекрасный язык. Ее быт — само совершенство. Пока она была жива (а умерла она в 90 лет), я любила гостить в ее доме в Вологодской области. Ночами напролет могла слушать ее. Она — такая маленькая, сухонькая. Верила в бога, всей своей жизнью соблюдала заповеди. А дети и внуки ее, как по несчастью жизни, нарушали эти заповеди, понятия о них не имея. — Вы так много и интересно говорите о жизни, а стихи будто бы пишете о чем-то вне ее.

— Это неправда. Все мои стихи рождала жизнь. Назовите любое стихотворение, и я скажу, где, когда, по какому поводу оно возникло. Моя «Венеция» в январском номере «Литературки» написана вон о той луже, что вы видите из окна.

Хочу еще вот что сказать молодым людям: чем доле я живу, тем боле сочувствую молодым людям. Страдаю за них. И мои пожелания старшим — не подавлять в молодых попытку отстоять независимость души. Я часто останавливаю свой взор на молодых лицах, искренне желаю надеяться на изменение внешних обстоятельств молодым и верить во внутренние возможности.

Беседовала
Лариса Вышинская,
п. Репино,
Ленинградская область.